

Глава 20

Около восьми часов утра тишину камеры Лэнса Кавендиша нарушил визит.

— Доброе утро, мистер Кавендиш, — в дверях появился Гай. Широко улыбаясь, он внес поднос с предупредительностью заправского дворецкого. — На завтрак сегодня сэндвич с копченым окороком и кофе — всё, как вы изволили заказать вчера.

Поймав на себе выжидающий взгляд тюремщика, Лэнс взял сэндвич и откусил кусок.

Собеседник подался вперед, в его глазах читалось жгучее нетерпение:

— Ну как? Каково на вкус?

Его глаза и без того были слегка навывкате, а сейчас, когда он вытаращился, явив миру еще больше белка, Гай стал поразительно похож на рыбу, страдающую от нехватки кислорода.

— Солонее, чем я предполагал. Не вкусно, — Лэнс привередливо скривился. — Завтра приготовь мне пирог «Волчья пасть».

Надзиратель давно привык к капризам юного Кавендиша. Последние дни тот то и дело требовал какую-то диковинную снедь, так что он лишь счел это очередной причудой.

Улыбка на лице Гая не дрогнула:

— Прошу прощения... А что это за пирог такой — «Волчья пасть»?

Черноволосый юноша окинул его понимающим взглядом и неспешно спросил:

— Ты ведь коренной столичный житель, верно? В деревне никогда не бывал?

На миг улыбка мужчины едва заметно застыла, но он тут же взял себя в руки, не позволив ни единому мускулу на лице выдать замешательство.

— Надо же, вы меня раскусили! Ха-ха-ха! И как же вы догадались?

— Потому что «Волчья пасть» — традиционное сельское лакомство. Мужчины, работающие в поле или на фабриках, всегда нуждались в обеде, который было бы удобно носить с собой. Этот пирог — как раз из таких. Его готовят из мучного теста на нутряном сале: с одной стороны в него запекают копченую свинину, а с другой — сладкий джем. Говорят, это сочетание соленого и сладкого с нежным ароматом фруктов просто великолепно.

Лэнс задумчиво потер подбородок с мечтательным видом.

— Только позавчера прочел об этом в газете и с тех пор просто места себе не нахожу — так хочется попробовать.

— Хорошо, завтра непременно доставлю, — пообещал Гай.

Один из заключенных, проходивших мимо окна, стал свидетелем этой сцены. Даже когда тюремщик скрылся из виду, бедняга стоял, разинув рот, не в силах прийти в себя.

Клянусь Солнцем! Неужели он еще не проснулся? Неужели это тот самый Гай, который вчера безжалостно охаживал его плетью? С каких это пор он стал таким обходительным и радушным?

Взгляд узника невольно упал на сэндвич, лежащий на подносе. Окорок был ярким, источающим соблазнительный аромат. Заключенный судорожно сглотнул. Он уже и забыл, когда в последний раз ел мясо.

— Раз уж тебе не по вкусу... может, отдашь его мне?

Лэнс давно заметил этого мальчишку с живой мимикой у своего окна — сложно было не заметить. Тот был одет в поношенную черную куртку, изрешеченную дырами, на вид — ровесник Лэнса. Растрепанные, как солома, волосы, россыпь веснушек на щеках и карие глаза, которые так и поблескивали хитростью.

— Держи, забирай, — юноша протянул ему надкушенный сэндвич через решетку.

Мальчишка буквально вырвал добычу из рук. В два-три укуса он разделался с угощением и принялся с сожалением облизывать кончики пальцев.

— Меня зовут Лэнс. А тебя?

— Исаак, — он утер рот рукавом и лукаво усмехнулся. — Бьюсь об заклад, ты чертовски богат. «Рыбья голова»... ну, Гай, редко бывает так любезен с кем-то.

«Рыбья голова». Лэнс не сдержал смешка.

— Меткое прозвище. Твоя работа?

Подросток высунул язык и смущенно пробормотал:

— Да так, зовем его так между собой... Только ты ему ни слова, ладно? А не то мне несдобровать.

— Договорились, — Лэнс облокотился на подоконник и как бы невзначай спросил: — Скажи, Исаак, как давно ты в Пентонвиле?

— Я здесь с самого рождения, — ответил тот. — Мне семнадцать, так что считай — все семнадцать лет.

— О, значит, ты знаешь здесь каждый уголок, — Лэнс невинно улыбнулся и вежливо попросил: — Я прибыл всего несколько дней назад. Не мог бы ты просветить меня — как тут и что?

— Отчего же нет, — Исаак закинул руки за голову, его глаза азартно блеснули. — О чем именно хочешь разузнать?

— О, ну ты понимаешь... о том самом... — юноша внезапно осекся, огляделся по сторонам и таинственно поманил собеседника пальцем.

Тот послушно придвинулся ближе, понизив голос до заговорщицкого шепота:

— О чем — «о том самом»?

— На самом деле я писатель. Собираю материал для своего нового романа. Слышал, будто в Пентонвиле полно историй, от которых кровь стынет в жилах. Если я опишу их, моя книга станет настоящим бестселлером.

Лэнс панибратски приобнял Исаака за плечо и, весело усмехнувшись, выудил из кармана купюру, помахивая ею перед носом мальчишки.

— Если тебе известно что-нибудь эдакое, непременно поделись. Я в долгу не останусь.

Глаза подростка вспыхнули — всё его внимание теперь было приковано к пестрой бумажке. Лишь когда Лэнс убрал деньги обратно в карман, парень очнулся.

— Истории, от которых кровь стынет... — Исаак тут же вспомнил об одном обстоятельстве, и в его взгляде промелькнула тень сочувствия. — Уж слишком ты смазлив... Хорошо еще, что ты подмазал Гая. Ради него они, пожалуй, тебя не тронут.

Лэнс в ответ лишь безмолвно воззрелся на него.

— Послушай, в тюрьме полно народу с мерзкими повадками. Они так и высматривают

мальчишек помоложе. Если бы не Старик, который меня опекал, я бы в детстве тоже едва ли...

Исаак изобразил рвотный позыв и наставительно добавил:

— В общем, будь начеку. Если возникнут проблемы — ищи меня на третьем этаже, тринадцатая камера слева. Мы со Стариком там живем.

— А... кроме этого? Есть здесь что-то по-настоящему жуткое? — Лэнс решил выразиться яснее, намекая: — Столько людей здесь сгинуло — неужели их призраки не бродят по коридорам? Или, может, кому-то снятся странные сны?

— Нет, ничего такого! — уверенно отрезал Исаак. — Господь забирает души туда, где им самое место. Добрые — в рай, негодяи — в преисподнюю. В нашем мире мертвецы не задерживаются.

Лэнс покачал головой.

«Человек, проживший всю жизнь в застенках, оказался ревностным последователем Бога Солнца. В романе это прозвучало бы как тонкая ирония. Похоже, я обратился не по адресу»

Он вынул купюру и несколько рассеянно спровадил парнишку.

Джек, не упустивший случая поиздеваться над промахом Лэнса, тут же разразился ехидным смехом:

— Ну не дурак ли? В этой земле зарыты Святые реликвии! Любой призрак будет очищен еще до того, как успеет обрести форму. Даже мне приходится осторожничать и не использовать слишком много сил. Ха-ха-ха! Надо же было задать такой глупый вопрос!

— Видимо, так и есть. Я сваял дурака, — юноша опустил голову и удрученно вздохнул. — Всё-таки я ничего не смыслю в оккультном мире. Зато ты, Джек, наверняка знаешь всё на свете...

Он поднял взгляд на парящего демона, в его глазах светилась надежда:

— Досточтимый лорд Джек, не соизволите ли вы пролить свет на мои заблуждения?

Джек выпятил грудь, скрестил руки на груди и, высокомерно задрал подбородок, изрек с напускной серьезностью:

— Тебе, простому смертному, не стоит знать слишком много. Это не пойдет тебе на пользу.

Лэнс сложил ладони в умоляющем жесте и, отбросив всякую гордость, принялся бесстыдно

канючить:

— Ну разок, просто чтобы утолить мое любопытство! Пожалуйста, лорд Джек! Ну прошу вас...

Демон смерил юношу холодным взглядом, глядя, как тот заискивает и лебезит. Джек тяжело вздохнул, и на его по-детски пухлом лице отразилось выражение не по годам зрелой усталости.

— Чем больше ты узнаешь, тем крепче узы, связывающие тебя с нашим миром, — Джек протянул руку и кончиком указательного пальца коснулся лба Лэнса. Взгляд демона на мгновение смягчился, а голос упал до едва слышного шепота: — Просто живи как человек. Живи как следует.

Лэнс пристально смотрел на него несколько секунд. Театральная маска подобострастия исчезла, и в его глазах затеплилась искренняя, теплая улыбка.

— А Джек-то, оказывается, очень добрый ребенок.

— Мерзавец! Ты еще смеешь называть себя писателем, а сам даже демона похвалить не можешь! — Джек в ярости отвесил ему щелбан. — Ты должен называть меня зловецим! Жестоким! Тираническим! Ужасающим! Как у тебя язык повернулся сказать «добрый»?! Добрый демон... Бездна меня побери, я живу сотни лет, но такого оскорбления еще не слышал!

Лэнс растерянно потирал лоб, глядя, как разгневанный демон выплескивает на него поток яростных ругательств, после чего, кипя от негодования, уносится прочь.

Юноша призвал карту. Как он и ожидал, шкала прогресса на карте «Джек» подросла еще на два процента. Похоже, взрывной нрав этого демона — лишь прикрытие для его нежелания признавать очевидное.

Ночь

Лэнс вновь пробудился во сне. Звучит странно, но именно так это и ощущалось: он перешел из одного сновидения в другое. Буквально миг назад он весело качался на качелях вместе с мамой, но внезапно она исчезла, и он снова оказался в знакомой пустоте.

Два потока огня перед ним яростно вибрировали, выдавая нешуточное волнение их обладателя.

— Мы договорились! Ты должен был стать посредником! Где демон?! Почему он до сих пор не явился?! — Рев Древнего золотого дракона Адониса был подобен грому, от которого в ушах у

Лэнса нестерпимо зазвенело.

Он поспешно закрыл уши руками и выкрикнул:

— Господин Адонис, прошу вас, успокойтесь! Позвольте мне всё объяснить!

Дракон шумно выдохнул, и его громовой голос внезапно ослаб.

— Говори, человек, — прохрипел он.

Лэнс перешел прямо к делу:

— Вам не нужно продавать душу демону. Я найду способ вызволить вас отсюда и без этого.

Адонис тут же подался вперед:

— И какой же?!

Драконы — самые гордые существа в мироздании. Никто не в силах поработить их, а те, кто решался на подобное, становились мишенью для вечной охоты всего рода чешуйчатых. В долгой истории драконов не было случая, чтобы кто-то из них добровольно продал свою душу — даже некроманты могли повелевать лишь их безжизненными останками. Если бы у него оставался хоть малейший шанс, Адонис никогда не пошел бы на сделку с демоном. Клянусь Богом Драконов, он стал бы вечным позором для своего племени!

— Всё очень просто, — Лэнс уселся на пол, скрестив ноги, и азартно улыбнулся: — Адонис, расскажите мне свою историю. Я напишу о вас роман.

— Эта книга разойдется по всему оккультному миру. Среди читателей непременно найдутся те, кто сможет прийти и освободить вас.

Впрочем, даже если спасителей не найдется — это не имело значения.

Лэнс посмотрел на призрачный силуэт карты, внезапно возникший в его ладони. От предвкушения голова шла кругом.

На золотом фоне карты исполинский дракон расправлял крылья, паря в бескрайнем небе.

[Адонис: 1/100]

Второй картой в его колоде стал Древний золотой дракон.

<http://bllate.org/book/15857/1436273>